

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА КАК ТОЧКА БИФУРКАЦИИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Литвиненко В.А.

22 JUNE, 1941 AS A BIFURCATION
POINT OF WORLD WAR II

LITVINENKO V.A.

Статья посвящена анализу начального периода Великой Отечественной войны – одного из самых драматичных в нашей истории. Рассматривается выстраивание отношений СССР с союзниками в условиях продолжающейся конкуренции советского и западного глобальных проектов развития. Показано, как 22 июня 1941 г. стало точкой бифуркации всемирно-исторического процесса, обозначив новый вектор его развития.

The article analyses Great Patriotic War initial period as the most dramatic in our history, considers USSR relations with allies in terms of Soviet and western global development projects competition, justifies that 22 June, 1941 has become bifurcation point of global historic process, defining new vector of its development.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, начальный период войны, укрепленные районы, приграничные округа, мобилизационное развертывание, эвакуация, Антигитлеровская коалиция.

Keywords: World War II, Great Patriotic War, war initial period, fortified zones, border areas, mobilization deployment, evacuation, anti-Hitler coalition.

УДК 94

Точка бифуркации – это термин синергетики – науки о сложности по И. Пригожину. Буквально он означает точку разветвления путей эволюции открытой нелинейной системы [1]. Одним из примеров подобной системы является общество, а следовательно, и общественные процессы, войны в том числе. Они в значительной мере подчиняются законам, сформулированным в рамках данной науки.

22 июня 1941 года является одной из таких точек всемирно-исторического процесса. В этот день началось противостояние не просто двух антагонистических, но взаимоисключающих друг друга систем, от исхода которого, в прямом смысле слова, зависела дальнейшая судьба человеческой цивилизации. Собственно говоря, противостояние было всегда. Оно было предопределено не столько фактом существования данных систем, сколько наличием различных конкурирующих глобальных проектов развития – Западного и Советского. Разумеется, сформировались данные проекты далеко не сразу. Они являлись магистральной преемственностью (каждый по своей линии) того, что было раньше [2]. Сути дела это не меняло. Тем не менее данное противостояние не выходило за рамки некоей устойчивой сложности (устойчивого неравновесия) [3], характеризующей привычные параметры мироустройства. В период между двумя мировыми войнами такая устойчивая сложность определялась рамками Версальского мира.

Благодаря усилиям Запада фашистский проект стал возможен как историческая данность, Версальский мир рухнул, что изменило ситуацию кардинально. На политической сцене появилась сила, заинтересованная в полном переформатировании существующего миропорядка и организации его на иных, несовместимых с гуманизмом основаниях. Концептуально эта мысль была оформлена А. Гитлером в 1937 г. в беседе с лордом Галифаксом. Об-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

суждая варианты возможного сотрудничества, он (Гитлер) заявил буквально следующее: *«Имеются две возможности оформления отношений между народами. Игра свободных сил, которая во многих случаях означала бы активное вмешательство в жизнь народов и могла бы вызвать серьезные потрясения нашей культуры, созданной с таким трудом. Вторая возможность состоит в том, чтобы вместо игры свободных сил допустить господство «высшего разума»; при этом нужно, однако, отдать себе отчет в том, что этот высший разум должен привести примерно к таким же результатам, какие были бы произведены действием свободных сил... Оценивая жертвы, которых, несомненно, кое-где может потребовать метод разума, следует представить себе, каковы будут жертвы, если возвратиться к старому методу игры свободных сил. Тогда будет ясно, что первый путь дешевле второго»* [4]. Британская империя в лице лорда Галифакса (а это была встреча двух вполне официальных лиц) согласилась с подобной постановкой вопроса. По крайней мере с этого момента преобладание политики «господства высшего разума» над «игрой свободных сил» становится фактом. Именно под это «господство» через год сдали Чехословакию, еще через год Польшу и всю Европу.

Однако Советский Союз никак не вписывался в данную концепцию. Более того, она ставилась под вопрос самим фактом существования СССР. Таким образом, с началом Великой Отечественной войны на повестку дня был поставлен главный вопрос – быть или не быть современной цивилизации.

О Великой Отечественной войне, особенно о ее начале, написаны сотни томов фундаментальных исследований. Данная тема рассмотрена всесторонне, и здесь трудно сказать что-либо новое и оригинальное. Сражения и битвы Великой Отечественной войны описаны достаточно полно и точно. Автор и не ставит перед собой такую задачу. Но чем дальше отстоит от нас этот день по шкале времени, чем больше стираются из памяти воспоминания о той страшной войне, тем больше возникает необходимость внимательно взглянуть в эту дату и попытаться понять, что же произошло в тот летний июньский день 1941 года?

Научно-справочные издания дают сухой и лаконичный ответ: «Вероломно нарушив договор 1939 г. с СССР о ненападении, фашистская Германия 22 июня 1941 г. напала на Советский Союз. На ее стороне выступили Румыния, Италия, а через несколько дней Венгрия, Словакия и Финляндия. Началась Великая Отечественная война. Советско-германский фронт стал главным и решающим фронтом Второй мировой войны...» [5].

Начало войны, несмотря на обилие документального материала, окутано множеством мифов, домыслов, а то и прямых фальсификаций. Виной тому как субъективные, так и объективные причины. Главная из объективных причин – тяжелейшие последствия начального периода войны, которые удалось преодолеть ценой невероятных жертв. Отсюда вполне естественный вопрос: можно ли было избежать развития событий по столь неблагоприятному, если не сказать, катастрофическому сценарию? И главное, кто виновен в том, что не избежали?

В попытке ответить на этот вопрос исследователям пришлось столкнуться со многими трудностями и проблемами, обусловленными именно объективными причинами: это и закрытость большого массива данных ввиду их секретности, и различные препятствия, связанные с идеологическими вопросами, и проблемы морально-этического плана. Еще были живы и более того занимали высокие руководящие должности многие участники тех событий, в адрес которых могла прозвучать критика, подчас довольно жесткая.

Субъективные причины, обусловленные личностью исследователя и его авторской позицией, в советское время были менее актуальны, хотя и накладывали свой отпечаток на освещение темы. Однако в последние десятилетия именно субъективный фактор выходит на первое место и становится едва ли не определяющим в развернувшейся дискуссии. Однако обо всем по порядку.

Несколько слов об историографии проблематики начального периода войны.

Необходимо отметить, что исследования начального периода войны как явления лежат на стыке двух отраслей военнаучного знания: теории военного искусства и военной истории. Если первое направление сохраняло свой узковедомственный, специализированный характер,

основывалось в значительной степени на закрытых, секретных разработках и было в некотором смысле свободно от многих конъюнктурных идейно-политических влияний, хотя и не полностью, то собственно исторические исследования открытого характера, особенно касавшиеся Второй мировой и Великой Отечественной войн, были подвержены жесткой идеологической цензуре и отражали общие тенденции и этапы развития исторической науки в СССР.

Первые работы на эту тему появились еще **в ходе самой войны**. Шло накопление материала, работа по собиранию источников, которые в будущем должны были лечь в основу серьезных научно-исторических трудов. Так, еще в декабре 1941 г. при Академии наук СССР была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны под председательством И.И. Минца, члены которой выезжали непосредственно на фронт и вели под стенограмму беседы с солдатами, офицерами и генералами Красной Армии. Фонды комиссии содержат уникальные воспоминания-интервью, собранные и записанные непосредственно по следам боев [6].

Сразу **после окончания Великой Отечественной войны** стали появляться как более углубленные исследования отдельных проблем, в частности начального периода войны, так и обобщающие труды, охватывающие войну в целом, где данная тема также находила отражение. В идеологическом плане, вплоть до начала Хрущевской «оттепели», на эту литературу оказывала влияние общая атмосфера сталинской эпохи с существующим запретом на освещение в широкой научной печати наиболее острых и болезненных тем недавней войны, что сказывалось на качестве проводимых исследований и на характере сделанных в них выводов.

В целом за десять послевоенных лет по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн было опубликовано около 1200 книг, брошюр и журнальных статей, из которых 14 носило обобщающий характер, а 35 работ было посвящено именно начальному периоду войны [7].

Применительно к изучению начального периода войны во время «оттепели» следует отметить ряд важных особенностей. Во-первых, знаковым явлением стала развернувшаяся в конце 1950-х – начале 1960-х гг. на страницах периодической печати дискуссия между историками по по-

воду характера и содержания начального периода войны, а также его продолжительности в Первой и Второй мировых войнах. Начало ей было положено публикацией в 1959 г. в «Военно-историческом журнале» статьи генерал-майора И. Рухле «О характере начального периода в двух мировых войнах» [8], где, в частности, был сделан анализ советской военно-теоретической мысли с начала 1920-х до 1941 г. При этом сам автор рассматривал начальный период войны как отрезок времени со дня объявления войны и общей мобилизации армии до начала приграничных сражений главных сил, развертываемых на театре военных действий (ТВД) по плану войны. Выступившие в дискуссии сторонники другой точки зрения З. Викторов, А. Колгушкин, И. Бершадский и В. Мернов [9] трактовали понятие более широко, включая в начальный период войны не только мобилизацию, сосредоточение и развертывание вооруженных сил сторон, но и вооруженную борьбу главных сил. Высказывалась и точка зрения, имевшая как сторонников, так и противников, о том, что в мировых войнах каждая из воюющих сторон имела свой начальный период войны, в ходе которого решала ближайшие стратегические задачи [10]. Однако эти споры и дискуссии были развернуты в концептуальном ключе и носили в большой степени теоретический характер. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. вопрос проблематики постепенно переводится в актуальную плоскость.

Большинство исследователей конца этого периода считало, что в межвоенный период разработка военно-теоретических вопросов применительно к изучению начального периода войны велась в СССР недостаточно хорошо, не соответствовала современным реалиям и требованиям военной науки, во многом канонизировала опыт Первой мировой войны, что привело к разрыву теории с практикой к моменту вступления Советского Союза в Великую Отечественную войну. По их мнению, советская военная мысль своевременно не учла основных уроков начала Второй мировой войны, особенностей вторжения Германии на территорию Польши, Франции и других европейских государств и в результате не сумела предусмотреть возможностей применения противником скрытого способа мобилизации и развертывания вооруженных сил в целях внезапного нападения сразу главными сила-

ми [11]. В это время вышли в свет исследования, непосредственно посвященные начальным периодам Второй мировой и Великой Отечественной войны и их урокам [12]. Среди них особо следует отметить опубликованный в 1962 г. военно-исторический очерк «Начало Великой Отечественной войны» [13] В.А. Анфилова, в дальнейшем одного из крупнейших специалистов по этому вопросу, разработкой которого он занимался на протяжении полувека и посвятил ему несколько книг, включая фундаментальные монографии [14], а также публикацию (закрытую) в 1961 г. 4-х томной монографии бывшего начальника штаба 4-й Армии Л.М. Сандалова «Боевые действия войск 4-й армии Западного фронта в начальный период Великой Отечественной войны» [15], рассекреченной только в конце 1980-х гг. [16].

В брежневскую эпоху актуализация исследований вновь ставится под вопрос, происходят постепенное свертывание критики «культы личности», цензурный запрет на исследования наиболее острых вопросов истории Великой Отечественной войны, возврат к прежним догматам в освещении ее начала. «Критика партией субъективистского и волюнтаристского подходов к оценкам исторического прошлого привела к изменению акцентов в освещении событий Великой Отечественной войны... Контроль за публикуемой военно-исторической литературой со стороны ЦК КПСС стал более строгим» [17]. Одним словом, проблематика вновь начинает рассматриваться в концептуальном ключе, затрагивающем общетеоретические вопросы.

Весьма показательным в этом плане оказалось «Дело А.М. Некрича» – научного сотрудника Института истории АН СССР, выпустившего в 1965 г. в издательстве «Наука» книгу «1941. 22 июня» [18], где раскрывались многие отрицательные моменты и просчеты, допущенные высшим руководством Советского Союза накануне Великой Отечественной войны и в ее начальный период.

Вышедшая 50-тысячным тиражом книга Некрича разошлась в считанные дни и получила огромный общественный резонанс. В январе 1966 г. в журнале «Новый мир» на нее была опубликована положительная рецензия, но уже 16 февраля 1966 г., по прямому указанию идеологического отдела ЦК КПСС, было проведено обсуждение книги Некрича в Институте

марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Однако в ходе обсуждения, наряду с резкой критикой автора большинством выступающих, прозвучали даже более резкие оценки начального периода войны, чем в самой книге, в частности, в выступлении В.А. Анфилова. Следующим шагом в «проработке» строптивного историка стала публикация в 1967 г. разгромной рецензии на работу Некрича в журнале «Вопросы истории КПСС» [19], где прозвучали обвинения и в адрес редакции журнала «Новый мир» за положительную оценку книги. Вскоре последовало исключение А.М. Некрича из партии, а в 1976 г. он покинул СССР. Подвергся гонениям и старший преподаватель Военной Академии Генерального штаба полковник В.А. Анфилов: сразу после своего смелого выступления он был обвинен в политической незрелости, изгнан из академии, уволен из армии и на несколько лет лишен возможности участвовать в дальнейшей разработке трудов по истории Великой Отечественной войны.

Перестроечный период знаменует собой ряд новых тенденций, ставших впоследствии определяющими в освещении проблематики начального периода войны. В середине 1980-х гг. некоторая новизна появляется в рамках традиционной тематики. Так, наряду с такими направлениями исследований, как предвоенная подготовка государства и армии к будущей войне [20], состояние военных кадров [21], укрепление государственной границы накануне войны [22], вопросы стратегического развертывания [23], а также развитие военного искусства в межвоенный период [24] и формирование доктринальных взглядов накануне войны [25], появляются работы, посвященные непосредственно содержанию и характеру начального периода войны [26]. В отдельных немногочисленных статьях рассматривались действия противника [27].

Среди работ, отразивших новые тенденции в историографии, можно отметить статьи, посвященные проблеме «фактора внезапности» [28], в том числе в русле освещения предвоенной деятельности дипломатии и разведки [29]. Многие публикации уже в самих своих названиях «истоки поражения», «причины неудач», «роковая ошибка» и т.п. настраивали читателя на «обвинительные выводы» [30], хотя критика историков старой школы, как правило, была конструктивной. Впрочем, не всегда.

Если раньше в советской историографии причины тяжелых поражений Красной Армии в начале войны «в основном сводились к объективным факторам: превосходству Германии в военно-экономическом отношении над СССР, вероломству гитлеровского руководства, нарушившего договор о ненападении и внезапно напавшего на Советский Союз, от мобилизованности германских войск, накопивших большой опыт боевых действий», а «причины субъективного характера, связанные с ошибками и просчетами советского руководства, отодвигались в тень, рассматривались упрощенно» [31], то в перестроечный период трагедия 1941-го года стала в основном объясняться именно субъективными причинами – ошибками руководства, просчетами лично Сталина. Такой односторонний подход характерен, в частности, для работ А.Н. Мерцалова [32], Н.Г. Павленко [33] и др.

Еще одна новация «перестройки» – с середины 1980-х годов в работах, посвященных начальному периоду войны, все чаще делались акценты на предвоенные репрессии в армии, которые возводились в ранг одной из главных причин неудач в начале Великой Отечественной войны [34]. Наиболее типичными в этом плане стали статьи и книги генерал-полковника Д.А. Волкогонова [35].

Повышенное внимание как историков, так и публицистов именно в этот период стало уделяться дипломатической предыстории Второй мировой войны [36], в том числе советско-германским отношениям и в первую очередь подписанию Советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. и Секретного дополнительного протокола к нему [37]. Данная тема оказалась наиболее политически ангажированной в связи с тем, что 24 декабря 1989 г. на II Съезде народных депутатов СССР было принято Постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» [38].

Наконец, еще один характерный штрих (тенденцией он станет позднее) – появление на страницах ведущих советских военно-исторических изданий публикаций, в том числе зарубежных авторов, на тему превентивной войны СССР против Германии [39]. И хотя работы отечественных историков по этой проблеме в основном решались в русле «разоблачения западных фальсификаторов истории» [40], некоторые из них [41] можно считать предвест-

никами той мощной информационной кампании, которая развернулась уже после развала СССР, когда, начиная с 1992 г., в России миллионными тиражами стали выходить книги Виктора Суворова «Ледокол» и «День М», обвинявшие Советский Союз в развязывании Второй мировой войны.

После разрушения СССР отечественная историография, в том числе истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, вступила в новую стадию своего развития. История Второй мировой и Великой Отечественной войн оказалась наиболее жарким «полем боя» за историческую память, интерпретацию событий прошлого в соответствии как с разнообразными методологическими подходами, так и, в первую очередь, с новой идейно-политической и геополитической конъюнктурой [42]. И одним из самых острых вопросов, за интерпретацию которого разгорелась борьба между историками (и отечественными, и зарубежными), оказался начальный период войны и связанные с ним проблемы более широкого плана (дипломатические, политические, идеолого-пропагандистские и др.).

В 1992–1999 гг. получили дальнейшее развитие несколько основных тенденций, проявившихся уже в период «перестройки»: 1) обсуждение политической и дипломатической предыстории Второй мировой войны, прежде всего «пакта Молотова-Риббентропа» [43]; 2) изучение последствий предвоенных сталинских репрессий в армии [44]; 3) рассуждения о внезапности нападения Германии в связи с документами советской разведки [45]; 4) дискуссии вокруг тезиса о превентивной войне Германии против СССР.

Развитие и масштабы последней из означенных тенденций были спровоцированы начавшимися с 1992 г. массовыми публикациями в нашей стране уже упоминавшихся книг Виктора Суворова (В. Резуна) «Ледокол», «День М» и др. [46]. В развернувшейся вслед за этим дискуссии принимали участие как российские, так и зарубежные историки, причем позиции «за» и «против» выдвинутой Суворовым версии высказывались независимо от гражданства их авторов. Отнюдь не все на Западе поддержали данную позицию. Против версии «Ледокола» выступили зарубежные исследователи – Г. Городецкий [47], Б. Бонвеч [48], Б. Пиетров-Эннкер [49], Д. Гланц [50] и др. Уж слиш-

ком очевидно было, что это не так. Но в идеологической борьбе (а эта борьба все больше приобретает именно идеологический характер, особенно в свете последних высказываний представителей власти о десталинизации и десовветизации сознания), хороши все средства. Тем более необходимо детально разобраться, чем стал для нас и всего мира июнь 1941 года.

«Вставай, страна огромная»

Дата нападения Германии на Советский Союз была выбрана отнюдь не случайно. Начало кампании было рассчитано таким образом, что пришлось на самый разгар строительных работ по оборудованию линии укрепрайонов по новой государственной границе и разработку нового мобилизационного плана, то есть войска в новых местах дислокации занимались чем угодно, только не боевой подготовкой, а штабы зачастую не имели ни малейшего представления, где находятся те или иные части и подразделения. Это было время максимально возможной неразберихи как в войсках, так и в штабах всех уровней.

После включения в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии мы получаем территорию, которую крайне сложно в обозримо приемлемые сроки освоить в оперативном отношении. Присоединение Прибалтики и Бессарабии к СССР в 1940 г. делало эту задачу неразрешимой в принципе. Однако обо всем по порядку.

Дело в том, что вся система мобилизационного развертывания войск в приграничных округах на особый период (то есть войну) несколько отличалась от мобилизационных мероприятий в округах внутренних. Укрепрайоны играли не только роль оборонительной линии, но и были весьма значительным элементом мобилизационной системы. Укрепленный район (УР) – район (полоса) местности, оборудованный системой долговременных и полевых фортификационных сооружений с заблаговременно подготовленными системами огневого поражения противника, противовоздушной обороны, инженерных заграждений и подготовленный для длительной и упорной обороны специально предназначенными войсками самостоятельно или во взаимодействии с общевойсковыми формированиями (войсками полевого заполнения), соединениями (частями) родов войск, спецвойск, авиацией, а на приморских направлениях и с силами флота. Задача УР – отразить внезапное нападение противника, удержать зани-

маемую полосу (участок) обороны и обеспечить организованное выдвижение, развертывание и вступление в сражение войск приграничного военного округа (подошедших оперативных резервов) [51]. С объявлением мобилизации все части и подразделения Ура переходили на штаты военного времени [52].

Первые укрепленные районы (УРы): Псковский, Полоцкий, Минский, Мозырский, Коростеньский, Новгород-Волынский, Летичевский, Могилев-Ямпольский, Киевский, Рыбницкий, Тираспольский и др. – начали создаваться на западных границах еще до 1938 г. Они имели в общей сложности 3196 оборонительных сооружений, а занимали их 25 пулеметных батальонов, насчитывавших 18 тыс. человек [53]. В 1938–1939 гг. началось строительство еще восьми укрепрайонов: Островского, Себежского, Слуцкого, Шепетовского, Изясловского, Старо-Константиновского, Остропольского и Каменец-Подольского [54].

В связи с изменением Западной границы работы по строительству восьми УРов были прекращены, хотя уже было построено из бетона 1028 сооружений. Более того, укрепрайоны Ленинградского, Западного и Киевского округов (за исключением трех) упразднились как утратившие оперативную ценность [55].

Отдельно следует упомянуть о мобилизационной готовности Красной Армии накануне войны. Изменения, произошедшие на Западной границе, а именно, исчезновение вероятного противника (Польши), его гарнизонов, военных объектов и т.д., значительное пополнение мобилизационного ресурса приграничных округов за счет населения присоединенных территорий, изменения мест постоянной дислокации большого количества частей и соединений Красной Армии, потребовали разработки и введения в действие нового мобилизационного плана.

Мобилизационное планирование – дело сложное и трудоемкое. Только на составление и разработку необходимой документации уходит до полутора лет. А дальше начинается практическая работа: составление планов мобразвертывания, рекогносцировка местности, оборудование новых мест постоянной дислокации, запасных и временных районов сосредоточения, строительство полигонов, дорог, организация взаимодействия с органами местной власти (которую саму еще орга-

низовать нужно было), уточнение планов по результатам «работы в поле» и т.д. И это только военная составляющая. А есть еще и народно-хозяйственная: учет наличного имущества и ресурсов, составление нарядов на выделение конского состава, подвод, автотранспорта, доведение нарядов до исполнителей, вручение мобилизационных предписаний. Далее следует планирование эвакуационных мероприятий и многое другое. Одним словом, реально новый мобилизационный план начинает действовать года через три после принятия решения о его разработке. Это в идеале. На практике – лет пять. Не было у нас пяти лет. И руководство страны это прекрасно понимало.

В 1940 по всей государственной границе развернулось строительство одиннадцати укрепрайонов, а в 1941 – еще девяти. Среди них такие крупные, как Ханко, Шяуляйский, Каунасский, Алитусский, Гродненский, Осовецкий, Замбровский, Брестский, Владимир-Вольинский, Струмиловский, Рава-Русский, Перемышльский, Ковельский, Верхе-Прутский, Нижне-Прутский. Кроме того велись подготовительные работы по созданию Дунайского, Одесского и Черновицкого УРов [56]. Но мы явно не успевали.

Следует заметить, что уже в ходе военных действий германским войскам не удалось прорвать ни один УР, который войска успели занять [57]. Но в условиях отсутствия единой системы это не сыграло практически никакой роли.

Историки часто задаются вопросом: почему Гитлер не напал на Англию, ограничившись бомбардировками и действиями на морских коммуникациях? С одной стороны, вся континентальная Европа была в полном распоряжении Гитлера и, нужно отдать ему должное, он довольно грамотно распорядился приобретенным имуществом. С другой стороны, Англия оставалась центром пусть во многом формального, но все же сопротивления. В Западной Европе оно не сыграло сколько-нибудь заметной роли, о чем недвусмысленно заявил на Нюрнбергском процессе бывший имперский министр вооружений и боеприпасов А. Шпеер [58], но в Восточной Европе сопротивление было. Возможно, многое прояснили бы документы, связанные с загадочным полетом Гесса в 1941 г., но Англия свято хранит свои тайны и военные архивы, открывать не торопится.

Много позднее, после разгрома 6-й по-

левой армии вермахта в Сталинграде и пленения генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, из его допросов стало ясно: высадка на Британские острова никогда не планировалась [59]. Сам план «Морской лев» был необходим как стратегическая дезинформация. К тому же реальных шансов на успешную высадку на Британские острова у Германии не было. Паритет в авиации и подавляющее превосходство на море делало эту задачу невыполнимой в принципе. Кроме того, Германия испытывала серьезные внутренние трудности. Ее промышленность была на грани коллапса, стратегические запасы продовольствия таяли буквально на глазах. Да и британская разведка не дремала.

В 1963 г. в США была опубликована книга о деятельности во время Второй мировой войны английского разведывательного центра в Нью-Йорке, которым руководил миллионер-канадец Уильям Стефенсон, поддерживавший тесный контакт с Черчиллем. Автор книги, бывший сотрудник этого центра, пользовавшийся его документами, сообщает, что весной 1941 г. английский разведывательный центр вместе с американским Федеральным бюро расследований подсунил посольству Германии в Вашингтоне материал, который гласил: «Из в высшей степени надежного источника стало известно, что СССР намерен совершить... военную агрессию в тот момент, когда Германия предпримет какие-либо крупные военные операции». По мнению английских разведчиков, это был «дезинформационный материал стратегического значения» [60].

Таким образом, А. Гитлеру не оставалось ничего другого, как сосредоточить свои усилия на Востоке.

Итак, очередной этап Большой игры был сыгран [61]. И сыгран неплохо. Игрок делает следующий ход. Причем в данном случае речь идет вовсе не о Гитлере. С ним-то как раз было все ясно. С началом военных действий на Восточном фронте его игра в политическом плане была закончена, о чем более чем красноречиво свидетельствует радиообращение сэра Уинстона Черчилля 22 июня 1941 г., посвященное нападению Германии на Советский Союз.

На этой речи хотелось бы остановиться более подробно. Черчилль предлагал СССР помощь в войне против Германии. Это был очень сильный ход, сделанный весьма искусственным и опытным игроком.

И очень опасным противником. В этом И. Сталин не сомневался ни одной секунды. Формальный союз против общего врага ничего не менял в глобальном противостоянии двух взаимоисключающих проектов развития. В своем радиообращении сэра Уинстон сказал: *«Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает.*

Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен.

Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся. Да, ибо бывают времена, когда молятся все: о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры...» и т.д. [62].

Текст выступления говорит сам за себя, казалось бы. Но стоит обратить внимание на первую фразу. Она поистине гениальна. О ком говорит премьер-министр? Учитывая обстоятельства, в которых эти слова были произнесены перед миллионами радиослушателей, вполне понятно о ком – о фашизме. И то, что фашизму присущи лишь «худшие черты коммунизма», указывает на то, что Черчилль понимал фундаментальную разницу между двумя режимами [63]. Так это У. Черчилль! Мало ли что он там понимал. Само построение фразы позволяет развернуть ее смысл в любую сторону. Именно это и будет сделано, но позднее. И не сэром Уинстоном. Но и сам он тоже еще много чего скажет.

Обратим внимание на ряд событий и высказываний, предваривших историческое выступление британского премьера, а также последовавших сразу после него. Они весьма показательны.

Незадолго до начала войны Сталину была доложена стенограмма заседания американского правительства, из которой следовало: если войну «спровоцирует» Советский Союз, то США будут сохранять

нейтралитет [64]. Молчание официально Лондона по поводу более чем загадочного полета Гесса давало дополнительную пищу для размышлений. Разведка неоднократно докладывала советскому вождю о стремлении правящих кругов Лондона сблизиться с Германией и одновременно столкнуть ее с СССР, чтобы отвести угрозу от Британской империи. Имеется в виду организованные по инициативе Лондона секретные переговоры между представителями британской правящей элиты сэром Горасом Вильсоном и другими, с одной стороны, и представителем имперского министерства по исполнению четырехлетнего плана Карлом Вольтатом, с другой стороны, в августе 1939 г. [65]

Сталин также знал содержание телеграмм Криппса в МИД Англии после беседы с Вышинским 18 апреля. Криппс писал: «...Наиболее сильным противовесом является страх, что мы можем заключить сепаратный мир при условии эвакуации немцами оккупированной ими территории в Западной Европе и предоставить Гитлеру свободу рук на Востоке. Я отдаю себе отчет, что это весьма деликатный вопрос для проработки по косвенным каналам. Тем не менее я считаю его самой ценной картой в весьма трудной игре, и, вероятно, некоторые средства для использования такой карты будут найдены. Советский талант в приобретении информации через нелегальные каналы хотя бы на этот раз может быть использован нами в свою пользу» [66].

Спровоцировать войну, то есть предпринять хоть что-нибудь в ответ на беспрецедентное сосредоточение германских войск у наших границ Сталин не мог. Вернее, не имел права. Любые наши действия в этом направлении, не говоря уже о мобилизации, неизбежно были бы расценены великими державами как акт агрессии. В то же время он не сомневался, что великие державы так или иначе выступят против Гитлера, а следовательно, помогут СССР. Войну на два фронта Германия выдержать не могла ни при каких обстоятельствах. Прекрасно отдавая себе отчет в том, чего на самом деле стоит союз с Англией и Америкой, Сталин также понимал: других вариантов нет. Таким образом, даже зная точную дату нападения, само нападение мы вынуждены были встретить «со связанными руками». Это была цена будущей коалиции.

Несмотря на массу документальных источников, опубликованных сегодня доста-

точно широко и свидетельствующих о потоке дезинформации как со стороны союзников, так и со стороны Германии, которая якобы дезориентировала советское руководство и вызвала недоверие Сталина к данным советской разведки о готовящемся нападении Германии на СССР, трудно поверить, что Сталин действительно попался на эту «удочку». Двести с лишним дивизий не сосредотачивают на границе только лишь с целью «войны нервов». Если бы это были только немецкие дивизии, еще куда ни шло. Но у наших границ сосредотачивались финские и румынские войска. Боеприпасы складировались непосредственно у орудий. Предположить, что Сталин не верил и этому, значит усомниться в его адекватности, что заведомо неверно. Значит, причина была в другом. И причина весомая.

На фоне очевидного бездействия в западных приграничных округах, говорившего о том, что дезинформация всех мастей и калибров сработала, уже не первый месяц проводилась скрытая мобилизация всего народнохозяйственного комплекса страны. В этих условиях выигрыш во времени хотя бы в один день – уже успех. Уже на второй день войны, то есть 24 июня, был создан Совет по эвакуации при СНК СССР. В его задачу входили организация и руководство работой по эвакуации промышленных предприятий на Восток страны. За два месяца было эвакуировано 2593 промышленных предприятий (в т.ч. 1523 крупных), эвакуировано до 30–40 % их персонала [67]. Это была титаническая задача, масштабы которой сегодня даже трудно представить. Разумеется, ее выполнение сказалось на производстве средств вооружения, техники, другой продукции, необходимой фронту и стране. Выпуск продукции снизился, особенно в октябре–ноябре 1941 г., но не прекратился. Уже к декабрю производство начало наращивать темпы выпуска продукции. Все это общеизвестные факты. Но именно «общеизвестность» порой играет с нами злую шутку. Возникает вопрос: куда все это вывозили?

Факт успешной эвакуации, осуществленной в кратчайшие сроки, сам по себе не говорит ни о чем. За два-три месяца в чистом поле производство не наладить. Никакой энтузиазм, никакие репрессии не помогут. Это физически не возможно. Перевезенное оборудование, станки, сборочные линии, складские помещения и многое

другое должны располагаться и монтироваться в строгом соответствии с технологическими циклами, характерными для каждого, в отдельности взятого предприятия. Кроме того, нужны были дополнительные энергетические мощности, подъездные пути, хоть какое-нибудь жилье для персонала и т.д. Но именно это и было сделано. Следовательно, эвакуировали не куда-нибудь на Восток, а согласно ранее разработанным и утвержденным планам. Значит, такие планы были? Разумеется, были. Более того, они выполнялись.

Предвидя такое негативное развитие событий в будущем, на Востоке страны строились предприятия-дублеры. Завершение их строительства возможно было не ранее 1942–1943 гг. или даже позднее [68]. Но этого, по большому счету, и не требовалось. Достаточно создать площадки, развернуть промышленную базу и создать инфраструктуру. Этим и занимались. О какой растерянности в первые дни и недели войны можно вести речь в этом случае? О каком неверии Сталина данным разведки? А ведь прибывающие грузы кто-то должен был встречать (и встречал), распределять, руководить разгрузкой, дальнейшей транспортировкой, сборкой. Следовательно, часть персонала была эвакуирована заранее, то есть еще до начала военных действий. Ведь нужны были не просто люди. Их и на местах хватало. Нужны были люди, компетентные именно в данном вопросе, применительно к конкретному предприятию или учреждению.

Кроме того, эвакуировались не только заводы. Эвакуации подлежали библиотеки, музеи, научно-исследовательские институты, лаборатории и конструкторские бюро со всей научно-технической базой. Для этого нужны были паровозы, тысячи паровозов и десятки тысяч вагонов, непосредственно задействованных для эвакуации, графики движения, ремонтные средства, как подвижные, так и стационарные, располагавшиеся на маршрутах следования. И все это мгновенно, по директиве Совета по эвакуации? Но ведь так не бывает. Следовательно, не только знали, но и готовились. Начиная, как минимум, с 1926 г. Серьезно и целенаправленно [69].

Однако здесь возникает серьезный вопрос: а как же армия? Выходит, руководство страны и лично Сталин бросили приграничные округа на произвол судьбы? Выходит, кадровая армия была принесена в жертву промышленной мобили-

зации, так как это отвечало стратегическим интересам в долговременной перспективе? Вполне допускаю, что кому-то хотелось бы получить утвердительный ответ. Однако это не так.

Во-первых, кадровая армия для того и предназначена, чтобы сдерживать войска противника в приграничных районах, давая возможность руководству страны обратиться с силами, развернуть армии второго стратегического эшелона до штатов военного времени, провести мобилизацию, эвакуационные мероприятия и т.д.

Во-вторых, не стоит забывать о настроениях в Вашингтоне и Лондоне. Возможный нейтралитет Америки, о котором упоминалось выше, почти автоматически означал сепаратный мир Англии с Германией. Так что никаких резких телодвижений на западной границе мы себе позволить не могли в принципе.

В-третьих, никакой, даже самый лучший, план не выдерживает столкновения с реальностью. А у нас, позволю напомнить, их не было вовсе. И командующим приграничных округов приходилось пользоваться старыми планами, давно утратившими актуальность, но формально не утратившими свою силу. Тем не менее руководство страны было вправе надеяться на то, что командование данных округов исполнит свои должностные обязанности, исходя из реальной обстановки. Удалось же генерал-полковнику Кирпоносу сохранить авиацию Киевского особого военного округа. Бомбовые удары немцев пришлось по пустым аэродромам. Да, положение в приграничных округах, преобразованных с началом военных действий во фронты, сложилось очень серьезное. Но вот катастрофическим оно было только в зоне ответственности Западного фронта. Это было единственное направление, на котором немцами был достигнут стратегический успех. На остальных стратегических направлениях, несмотря на подавляющее превосходство противника на направлениях главных ударов и тяжелейшие потери в живой силе и технике, которые с первых дней войны несла Красная Армия, дела шли далеко не блестяще. По крайней мере не так, как они рассчитывали.

Следовательно, руководство страны и армии делало все, что вообще можно делать в подобных условиях. И делало это правильно. Вот хорошо или плохо, это уже другой вопрос. Но автор не считает себя вправе даже ставить его в какой-либо

форме, так как это просто неэтично. Легко спустя десятилетия рассуждать об ошибках и просчетах командования того же Западного фронта, сидя в теплом кабинете, или о просчетах руководства страны и лично Сталина, буквально тонувшего в потоках противоречивой информации, поступающей из самых надежных и проверенных источников. А вот представить себя на их месте...

Тем не менее, несмотря на тяжелейшее положение войск и катастрофы, постигшие Западный фронт, армия свою задачу выполнила, обеспечив возможность проведения мобилизации и эвакуационных мероприятий в масштабах страны, что и сыграло в конечном итоге решающую роль.

«Запад нам поможет»

«Спровоцировать» СССР не удалось, и великим державам пришлось определяться с позицией, так как игра, по их мнению, вступала в завершающую фазу. За неделю до нападения Германии на СССР У. Черчилль писал Ф. Рузвельту: *«Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе и из самых надежных, в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию. Главные германские армии дислоцированы на всем протяжении от Финляндии до Румынии, заканчивается сосредоточение последних авиационных и танковых сил»* [70].

21 июня, прогуливаясь по крокетной площадке в саду Чекерса, У. Черчилль делился своими мыслями со своим личным секретарем Колвиллом: *«Надежды Гитлера, — говорил Черчилль, — заручиться содействием правых в Англии и США, упования на их помощь в войне с СССР ошибочны. Наоборот, Англия окажет всемерную помощь СССР»* [71]. Изысканный британский стиль. С момента нападения Германии на СССР «джентльменское соглашение» [72] между представителями рейха и Британской империей (не Черчиллем) теряли силу. Фашистская Германия уже сделала свое дело, и теперь настало время «помочь» ей сойти с политической сцены. При этом репутация самого сэра Уинстона оставалась безупречной, а совесть — кристально чистой. Не он договаривался от имени британской элиты с представителем рейха К. Вольтатом. Не его представители и соратники вели доверительные беседы, начиная как ми-

нимум с 1937 г., с Гитлером и Розенбергом [73].

Еще за несколько дней до нападения Рузвельт известил Черчилля о своем желании «приветствовать Россию как союзника» [74]. Все вроде бы нормально, правильно и корректно, если не обращать внимания на даты. Все это было сказано до нападения Германии на нашу страну, а не после. После нападения было сказано буквально следующее: *«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях. Никто из них не думает выполнять свои обещания»* [75]. Это довольно известное и широко цитируемое высказывание принадлежит вице-президенту Соединенных Штатов, а тогда сенатору от демократической партии Гарри Трумену. Не первое лицо государства, но все же... Это уже не декларация намерений. Это программа действий, возникшая, нужно понимать, отнюдь не спонтанно.

Итак, великие державы приняли решение оказать СССР всемерную помощь. Заявление о поддержке СССР Соединенными Штатами было сделано исполнявшим обязанности госсекретаря С. Уэллесом, который подтвердил: «Гитлеровские армии сегодня — главная опасность для Американского континента». В свою очередь 24 июня президент Ф.Д. Рузвельт заявил на пресс-конференции, что США окажут всяческую помощь СССР в его борьбе против Германии. На следующий день это было напечатано в центральных газетах в СССР [76].

В критический для страны момент мы принимали помощь бывших противников, в одночасье ставших союзниками. И помощь, нужно отдать должное нашим партнерам, пришла. Правда, далеко не сразу. И не в том количестве, которое могло оказать хоть сколько-нибудь существенное влияние на общую обстановку. С учетом концепции, озвученной Г. Труменом, это было несколько странно. Успехи Германии были очевидны. Может быть, положение было не столь уж и критическим?

В действительности наши дела были очень плохи. Реорганизация советских Вооруженных Сил в первую очередь за-

тронула войска приграничных военных округов. В результате значительная часть боеспособных, хорошо слаженных и укомплектованных соединений оказалась к началу войны расформированной. В связи с переводом основной части советских войск, расположенных на западе, на присоединенные к СССР в 1939–1940 гг. новые территории, заметно снизилась их боеспособность. Дело в том, что передислокация нарушила планы мобилизации и стратегического развертывания советских войск на западе на случай войны, а разработку новых планов полностью завершить не удалось. То есть новых планов попросту не было.

В связи с этим начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников предлагал К.Е. Ворошилову и И.В. Сталину оставить главные силы войск восточнее старой границы, на которой уже были построены хорошо укрепленные рубежи обороны, а на новых территориях иметь лишь подвижные войска вместе с сильными инженерными частями заграждения. По мнению Шапошникова, в случае нападения агрессора они будут вести сдерживающие боевые действия от рубежа к рубежу, благодаря чему можно выиграть время для от мобилизации и создания группировок главных сил на линии старой границы. Но политическая целесообразность оказалась сильнее военной. Не могло руководство страны оставить на произвол судьбы население вновь присоединенных территорий. Это могло иметь самые негативные последствия в долгосрочной перспективе как внутри страны, так и за ее пределами.

К вечеру 22 июня, т.е. к исходу первого дня войны, немецкие танковые и механизированные соединения на главных направлениях (северо-западном и западном) продвинулись на глубину до 60 км. Особенно тяжелая обстановка сложилась на стыке Северо-Западного и Западного фронтов. Здесь образовалась многокилометровая брешь, через которую 3-я танковая группа вермахта, форсировав реку Неман, устремилась к городам Вильнюс и Минск.

Войска Северо-Западного фронта, рассеченные на части ударом 4-й танковой группы, вынуждены были спешно отходить. В результате фланги Западного фронта оголились, его правое крыло оказалось под угрозой глубокого охвата танковыми соединениями противника. К сожалению, командование Западного фрон-

та не смогло найти адекватного ответа сложившейся обстановке. Фронт рухнул, серьезно осложнив тем самым положение Юго-Западного фронта. Мы проигрывали противнику на всех стратегических направлениях.

За первые три недели войны из 170 советских дивизий, принявших на себя первый удар германской военной машины, 28 оказались полностью разгромленными, а 70 – лишились более чем половины личного состава и военной техники. Только три фронта – Северо-Западный, Западный и Юго-Западный – безвозвратно потеряли более 600 тыс. человек, или почти треть своего численного состава, более полутора миллионов человек оказались в немецком плену. Красная Армия лишилась около 4 тыс. боевых самолетов, свыше 11,7 тыс. танков, около 18,8 тыс. орудий и минометов. Мы уступили противнику более 600 км своей территории. Были потеряны Белоруссия, Западная Украина, почти вся Прибалтика. Тяжелые бои шли на южном направлении. Тем не менее уже под Смоленском войска группы армий «Центр» вынуждены были перейти к обороне. Впервые с начала Второй мировой войны.

К началу операции «Тайфун» наши потери уже исчислялись семизначной цифрой. Поворот части сил группы армий «Центр» на юго-западное направление в помощь группе армий «Юг» после взятия Смоленска, оказался полной неожиданностью для советского командования. В результате войска Юго-Западного фронта, одной из самых сильных группировок войск Красной Армии, были разгромлены. Оставлен Киев. Мы потеряли большую часть Украины. Возобновилось наступление на московском направлении.

Однако и германская армия, что называется, получила свое. Потери вермахта в живой силе и технике были не просто существенны. Они были катастрофически. Тем не менее остановить наступление на Москву А. Гитлер не мог. Несмотря на реальную обстановку (небывалое упорство Красной Армии, износ техники и измотанность личного состава непрерывными боями, начало осенней распутицы, затруднявшей действия танковых и моторизованных соединений), генералы в войсках имели твердое намерение взять Москву и завершить кампанию к концу 1941 г. [77]

С переходом 30 сентября германских войск в наступление на орловском, а позднее и на вяземском направлениях, началась Московская оборонительная операция. Однако уже 5 декабря 1941 г. немецкие войска были окончательно остановлены. Только в период с 16 ноября по 5 декабря потери вермахта под Москвой составили 155 тыс. чел., 777 танков, сотни орудий и минометов.

11 декабря 1941 г. Гитлер в своем выступлении в рейхстаге заявил, что с 22 июня по 1 декабря 1941 г. потери вермахта составили 162314 убитыми, 571767 ранеными, 33334 пропавшими без вести, а всего – 765415 человек [78]. Однако «Новый международный ежегодник» назвал данные цифры фантастическими и привел расчеты американских наблюдателей, по которым на 11 декабря 1941 г. потери германской армии на Восточном фронте только убитыми составили 1300 тыс. чел., т.е. в восемь раз больше официальных данных [79]. И это не считая санитарных потерь и пленных, которых также было немало, хотя и не столько, сколько у нас.

То, что игра пошла «не по сценарию», в Германии поняли сразу. Не все, но поняли. Командующий армией резерва генерал-полковник Фром, учитывая катастрофическое положение в военной промышленности, 25 ноября (то есть до контрнаступления наших войск под Москвой – *В.Л.*), заметил, что необходимо как можно быстрее заключить мир. Фром, который имел полное представление о наличных людских резервах и о фактическом положении в военной промышленности, должен был признать, что, продолжая эту войну, вермахт приближается к катастрофе [80]. 29 ноября 1941 г. имперский министр вооружения и боеприпасов Ф. Тодт подал фюреру самоубийственный доклад о положении дел: окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования. «*В военном и военно-экономическом отношении война уже проиграна*». Однако на вопрос Гитлера, как заканчивать войну, ответа у министра не было [81].

Разумеется, ни о каком урегулировании не могло быть и речи. После того, что германские войска успели натворить на оккупированных территориях СССР, у Гитлера был только один выход: идти до конца. Какого угодно.

Однако союзников такое положение дел, скорее всего, устраивало. С Германи-

ей, по-видимому, все ясно. Ее экономика не выдержит затяжной войны. Но вести ее Германия будет, так как деваться все равно некуда. Что же касается СССР, то, понеся такие потери, просто невозможно снова «встать на ноги». Даже справившись с германской агрессией, СССР уже не сможет занимать то положение в мире, на которое претендовал еще недавно.

Несмотря на то, что СССР был включен в план поставок по Ленд-Лизу, помощь явно не спешила. Черчилль говорил истинную правду, утверждая, что никто не был более последовательным противником коммунизма, чем он. И доказал это в ходе Великой Отечественной войны. На союз с СССР он смотрел как на «печальную необходимость». Черчилль последовательно осуществлял свой стратегический замысел – добиться максимально ослабления врага № 1 – фашистской Германии – и истощения своего союзника военного времени – Советского Союза, чтобы после победы продиктовать свою волю и тому, и другому [82].

Однако справиться с нами оказалось не так просто, как могло показаться в начале кампании. Сдержав первоначальный удар и понеся при этом гигантские потери, страна выстояла. Положение, несмотря на успех под Москвой, по-прежнему оставалось критическим. Но катастрофы не произошло. В конце года пришли первые поставки по ленд-лизу. Они были мизерны, но все-таки это была помощь.

О ленд-лизе и втором фронте написаны тома исследований. Но оценивать поставки союзников в материальном или денежном исчислении так же, как и открытие второго фронта оценивать с оперативно-стратегической точки зрения, бессмысленно. В этом плане данные мероприятия не стоили ровным счетом ничего. Вообще ничего. Общие поставки по ленд-лизу не превысили 4 % от общего объема произведенной нами продукции, а с советско-германского фронта на западный театр военных действий не было переброшено ни одной немецкой дивизии. Мы вполне могли выиграть войну и без поставок, и без второго фронта. Но этого было мало. Фашистская Германия должна была быть не просто разгромлена. Речь шла об уничтожении фашизма как такового. А вот это одной стране, даже такой, как СССР, было не под силу. Ценность коалиции была в другом.

С момента ее создания Гитлеру и его армии отступать стало некуда. Не в терри-

ториальном, а метафизическом плане. Игровое поле было занято, и не важно, как вели себя союзники: сражались или стояли без дела. Они были, и это в корне меняло общий рисунок игры. Те, кто создавал фашизм, теперь должны были участвовать в его уничтожении. Или по крайней мере при этом присутствовать, заняв вполне определенную позицию. На некоторое время Запад был обречен играть по нашим правилам, так как эти правила диктовались положением дел на советско-германском фронте. Мы дорого заплатили за право возглавить Игру, но иного выхода не было.

Весь дальнейший ход Великой Отечественной войны, несмотря на ошибки и просчеты, допущенные в ее начальном периоде и в ряде последующих кампаний, несмотря на неисчислимы жертвы, понесенные советским народом, доказал правильность исходной позиции.

Выводы и комментарии

Оценивая начало Великой Отечественной войны с позиций сегодняшнего дня, историки, политики, представители различных общественных организаций, особенно те из них, кто стоит на либеральных позициях, все чаще и настойчивее пытаются поставить вопрос о некомпетентности руководства страны в вопросах внешней и внутренней политики, о бездарности и недальновидности военного руководства. Все это якобы и привело к столь страшным последствиям и неисчислимым жертвам в начальном периоде войны. Вот если бы...

Разумеется, были и ошибки, и серьезные просчеты в планировании и руководстве войсками. Была и отчаянная надежда на то, что все это только провокация и все еще обойдется. Наверняка была и растерянность в первые часы после нападения. Не дни и недели, а именно часы. Растерянный Генеральный штаб не отправляет на фронт военно-историческую группу Главного оперативного управления для изучения и обобщения опыта войны на следующий день после ее начала. И не планирует проведение контрударов. А верховное главнокомандование не отдает приказ бомбить столицу противника. Так ведут себя те, кто собрался выстоять и победить. Французы и англичане в 1939–1940 вели себя иначе. Если в начале войны на одном из заседаний британского парламента лейбористы Хью Дальтон и Лео Эмери потребовали забросать зажигатель-

ными бомбами Шварцвальд (Черный лес), дабы немцы ощутили «запах войны» на своей территории, то министр авиации Кингсли Вуд заявил: «О, что вы, этого делать нельзя, это частная собственность. Вы от меня еще потребуете затем бомбить Рур» [83]. Действительно, как можно бомбить частную собственность?

И все же можно ли было избежать тех жертв, которые выпали на долю армии и народа? Увы. Чем больше мы пытаемся серьезно и спокойно проанализировать то или иное возможное развитие событий [84], в тот или иной отрезок времени, предшествующий войне, тем больше убеждаемся: все могло быть гораздо хуже. Перед войной и в ее начале было сделано все, что только возможно было сделать. К сожалению, этого оказалось недостаточно, но большего не сделал никто. Только мы оказались в состоянии выдержать удар такой колоссальной мощи, какой был нанесен 22 июня 1941 г.

Именно в этот день весь мир узнал, что у фашизма есть оппонент, который может противостоять ему на равных, несмотря ни на какие издержки.

В отечественной исторической литературе много говорится о роли и месте СССР во Второй мировой войне, о том, что мы спасли Европу и мир от фашизма. Это действительно так. Но это не все. Главное, что мы смогли сделать, это удержать мир от почти добровольного сползания в этот самый фашизм, в котором мир, по крайней мере Западный мир, начиная с 1940 г., вполне комфортно разместился, не испытывая особых проблем [85]. «В Дании вплоть до 1944 г. власть вообще сохранялась за социал-демократическим прави-

тельством. Суверенитет страны фактически не затрагивался: помимо национальных вооруженных сил, парламента, демократической системы выборов сохранились и местные полицейские органы» [86]. Казалось бы, если сохраняются и функционируют демократические институты, то какая разница, кто будет обеспечивать их функционирование? 22 июня 1941 года мир увидел, что разница есть, и весьма существенная. Трагедия поселка Орадурсюр-Глан, произошедшая 10 июня 1944 г. во Франции, показала, в чем именно эта разница. Правда, те представители западной цивилизации, которые столкнулись с фашизмом не на улицах своих уютных городков и поселков, а в Освенциме и Бухенвальде, поняли это намного раньше.

И еще один вывод. Именно 22 июня 1941 года, когда непримиримые противники объединились перед лицом общей опасности, стало понятно: фашизму нет места в этой реальности.

Сегодня мы живем в другой реальности. В реальности фактического демонтажа Ялтинско-Потсдамской системы и ее реальных завоеваний. А это означает, что вопрос с фашизмом вновь открыт. Нацистская идеология как способ мышления и действия никуда не делась. Элементы этого мышления, модифицированные применительно к нынешним условиям, но вполне узнаваемые, все чаще проявляются в политике, идеологии и даже на бытовом уровне. Похоже, что это фундаментально не устраивает только нас. А значит, России вновь придется высказаться по данному поводу. Сможем ли мы это сделать так, как это сделали наши деды в 1941? Хочется верить, что, если потребуется, то да, сможем.

Примечания:

1. Князева Е.Н., Курдюмова С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994. С. 40.
2. Павленко В.Б. Глобальные проекты: теория и практика. Исторический и современный аспекты. М., 2007. С. 50–51.
3. Назаретян А.П. Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техногуманитарного баланса // *Общественные науки и современность*. 1999. № 4. С. 135.
4. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг. В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 36.
5. Военная энциклопедия в 8 т. Т. 2. М., 1994. С. 36.
6. Хранятся в отделе рукописей Института российской истории РАН. См.: Курносков А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (Организация и методика собирания) // *Археографический ежегодник за 1973 год*. М.: Наука, 1974. С. 118–132; Архангородская Н.С., Курносков А.А. «Истории воинских частей» в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР // *Археографический ежегодник за*

1985 год. М., 1986. С. 174–181; Курносов А.А. Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 316–319 и др.

7. История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6-ти томах. Т. 6. С. 406. Цифры приводятся по данным библиографического учета библиотеки Отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

8. Рухле И. О характере начального периода в двух мировых войнах // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ). 1959. № 10. С. 3–18.

9. Викторов З. О характере начального периода в двух мировых войнах // ВИЖ. 1960. № 4. С. 118–124; Колгушкин А., Бершадский И. О начальном периоде минувшей войны // ВИЖ. 1960. № 8. С. 50–55; Мернов В. О содержании начального периода мировых войн // ВИЖ. 1960. № 9. С. 31–41.

10. Козлов С. Некоторые вопросы стратегического развертывания по опыту двух мировых войн // ВИЖ. 1959. № 12. С. 15; Чередниченко М. О начальном периоде Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1961. № 4. С. 32; Мернов В. Советская военная наука о начальном периоде войны // Военная мысль. 1965. № 6. С. 18.

11. Рухле И. Указ. соч. С. 10–11; Козлов С. Указ. соч. С. 9–10; Чередниченко М. С. 28–30; Колчигин Б. Мысли об использовании армии прикрытия в начальном периоде Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1961. № 4. С. 35; Голубев А. Обращена ли была в прошлое наша военная теория в 1920-е гг.? // ВИЖ. 1965. № 10. С. 35–47; Мернов В. Советская военная наука о начальном периоде войны // Военная мысль. 1965. № 6. С. 14–24.

12. Проэктор Д.М. Военное искусство в первом периоде Второй мировой войны (1939–1940 гг.). М., 1957. 78 с.; Возненко В. Некоторые вопросы содержания и характера начального периода войны // Военная мысль. 1960. № 6. С. 59–71; Колчигин Б. Мысли об использовании армии прикрытия в начальном периоде Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1961. № 4; Захаров М.В. Начальный период Великой Отечественной войны и его уроки // ВИЖ. 1961. № 7; Чередниченко М. О начальном периоде Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1961. № 4. С. 28–35; Таранов А., Терехин К. О начальном периоде Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1963. № 8. С. 84–88; Бирюзов С.С. Уроки начального периода Великой Отечественной войны // Военная мысль. 1964. № 8; Коркординов П. Факты и мысли о начальном периоде Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1965. № 10; Баскаков В. Об особенностях начального периода войны // ВИЖ. 1966. № 2. С. 29–34; и др.

13. Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 г.): Военно-исторический очерк. М., 1962.

14. Анфилов В.А. Бессмертный подвиг: Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1971; его же. Провал «блицкрига». М., 1974; его же. Крах стратегии «молниеносной войны». М., 1981; его же. Провал плана «Барбаросса». М., 1986; его же. Крушение похода Гитлера на Москву, 1941 г. М., 1989; его же. Незабываемый сорок первый. М., 1989; его же. Грозное лето 1941 года. М., 1995; его же. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997.

15. Сандалов Л.М. Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны. М., 1961.

16. Сандалов Л.М. Первые дни войны: Боевые действия 4-й армии 22 июня – 10 июля 1941 года. М., 1989.

17. См.: Плетушков М.С., Якушевский А.С. Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война (историография). Сб. обзоров. М., 1995. // http://militera.lib.ru/h/istoriografia_vov01/index.html.

18. Некрич А.М. 1941. 22 июня. М., 1965. 174 с. См. также: "Дело А.М. Некрича" (Из истории гонений на советскую интеллигенцию) // Кентавр. 1994. № 4. С. 94–114; № 5. С. 82–97; Некрич А.М. 1941, 22 июня. Изд. 2, доп. и перераб. М., 1995.

19. Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С. В идейном плену у фальсификаторов истории // Вопросы истории КПСС. 1967. № 9. С. 127–140.

20. Перечнев Ю.Г. О некоторых проблемах подготовки страны и вооруженных сил к отражению фашистской агрессии // ВИЖ. 1988. № 4. С. 42–50; Решение проблемы отражения агрессии противника в начальном периоде Великой Отечественной войны / Рук. авт. кол. В.А. Пронько. М., 1989. 168 с.; Пронько В. Особые округа и их роль в подготовке Советского Союза к отражению агрессии фашистской Германии // Военный вестник АПН. 1991. № 6–7; Гребнюк А. Пути и методы подготовки Советского Союза к войне с фашистской Германией // Военный вестник АПН. 1991. № 10–11; Хорьков А.Г. К вопросу об угрожаемом периоде // Военная мысль. 1986. № 3. С. 18–25; Хорьков А. Г. Укрепленные районы на западных границах СССР // ВИЖ. 1987. № 12. С. 47–54; Хорьков А.Г. Техническое перевооружение Советской Армии накануне Великой Отече-

- ственной войны // ВИЖ. 1987. № 6. С. 15–24; Хорьков А.Г. Накануне грозных событий // ВИЖ. 1988. № 5. С. 42–49.
21. Данилов В.Д. Советское Главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 3–20; Комал Ф. Б. Военные кадры накануне войны // ВИЖ. 1990. № 2. С. 21–28.
22. Яковленко И.И. О прикрытии государственной границы накануне Великой Отечественной войны (по опыту КОВО) // ВИЖ. 1987. № 5. С. 84–87; Беляев В.И. Усиление охраны западных границ СССР накануне Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1988. № 5. С. 50–55; Хорьков А.Г. Грозный июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1991.
23. Хорьков А.Г. Некоторые вопросы стратегического развертывания советских Вооруженных сил в начале Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1986. № 1. С. 9–15; Пастуховский Г. П. Развертывание оперативного тыла в начальный период войны // ВИЖ. 1988. № 6. С. 18–27; Шевелев Г.П. Прикрытие развертывания войск // Военная мысль. 1989. № 4. С. 13–22; Азяский Н.Ф. О стратегическом развертывании вооруженных сил Германии и Советского Союза в 1941 г. // Военная мысль. 1990. № 8. С. 9–18 и др.
24. Анучин В.В., Здоров О.Н. Зарождение и развитие теории боевого применения ВВС (1917–1938 гг.) // ВИЖ. 1988. № 8. С. 19–26; Ульянов В. И. Развитие теории глубокого наступательного боя в предвоенные годы // ВИЖ. 1988. № 3. С. 26–33; Лобов В. Н. Актуальные вопросы развития теории советской военной стратегии 20-х – середины 30-х годов // ВИЖ. 1989. 2. С. 41–50; Мигулин В.И. Теория и практика применения советских ВВС в межвоенный период (1921–1941). М., 1989; Савушкин Р.А. Эволюция взглядов на оборону в межвоенный период // ВИЖ. 1987. № 1. С. 37–42; его же. Развитие советских Вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период (1921–1941 гг.). М., 1989 и др.
25. Савушкин Р.А. Зарождение и развитие советской военной доктрины // ВИЖ. 1988. № 2. С. 19–27; Киршин Ю.Я. Советская военная доктрина в предвоенные годы. М., 1990; Алимурзаев Г. Щит или меч? К истории советской военной доктрины // Международная жизнь. 1989. № 4. С. 112–122.
26. Евсеев А.И. О некоторых тенденциях в изменении содержания и характера начального периода войны // ВИЖ. 1985. № 11. С. 10–20; Кирьян М.М. Начальный период Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1988. № 6. С. 11–17; Мальцев П.В. Кто виноват?: Некоторые вопросы организации и осуществления управления войсками Западного фронта накануне и в начальный период войны // ВИЖ. 1988. № 10. С. 21–28; Малафеев А.М. Уроки начального периода Великой Отечественной войны // Военная мысль. 1991. № 9. С. 8–17; Борщов А.Д. Оборона в начальном периоде Великой Отечественной войны: исторический опыт и современность // Военная мысль. 1991. № 7. С. 2–11; Стрельцов А.Ф. Теория и практика оперативной маневренной обороны (накануне и в первый период Великой Отечественной войны) // Военная мысль. 1991. № 3. С. 15–21.
27. Попов Н.Г. Характерные черты первых операций агрессора в начальный период войны // Военная мысль. 1987. № 3. С. 13–23; Якушевский А.С. Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР // ВИЖ. 1989. № 5. С. 63–75.
28. Соловьев Б.Г. Фактор внезапности (Подготовка и развязывание Второй мировой войны) // ВИЖ. 1988. № 9. С. 67–73; Ржешевский О.А. Уроки внезапности // Военная мысль. 1991. № 8. С. 74–77; Якушевский А.С. Фактор внезапности в нападении Германии на СССР // История СССР. 1991. № 3. С. 3–16; Куманев Г. А. О состоянии оборонной готовности СССР и внезапности фашистского нападения // Советский Союз. 1991. № 1–3. С.183–195 и др.
29. Ивашутин П. И. Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 55–59; Воюшин В. А., Горлов С. А. Фашистская агрессия: о чем сообщали дипломаты // ВИЖ. 1991. № 6. С. 13–23 и др.
30. Семидетко В.А. Истоки поражения в Белоруссии // ВИЖ. 1989. № 4. С. 22–31; Чукарев В.И. Загадка 22 июня 1941 года // ВИЖ. 1989. № 6. С. 36–42; Ковалев Ф., Ржешевский О. Так начиналась война // Урок дает история. М., 1989. С. 268–284; Петров Б.Н. Причины неудач Советской Армии в начальный период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война Советского народа 1941–1945 гг. в документах ГАФ СССР и печатных изданиях: Стенограмма научно-практической конференции 25 апреля 1990 г. М., 1991. С. 44–54; Мельтюхов М.И. 22 июня 1941 г.: Цифры свидетельствуют // История СССР. 1991. № 3. С. 16–28; Раманичев Н.М. Красная Армия всех сильнее? // ВИЖ. 1991. № 12. С. 2–9; Анфилов В.А. Роковая ошибка // Поиск. 1991. № 29. С. 4–5; Павленко Н. Лето 1941-го: Военно-политические причины катастрофы: Заметки военного историка // Коммунист. 1991. № 9. С. 52–61; Куманев Г. А. В огне тяжелых испытаний (июнь 1941 — ноябрь 1942 г.) // История СССР. 1991. № 2 и др.
31. Плетушков М.С., Якушевский А.С. Указ. соч.

32. Мерцалов А.Н. «Молниеносная война» и «активная оборона» 1941 г. // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып. 2. С. 193–195 и др.
33. Павленко Н.Г. Сталинистские концепции военной истории // История и сталинизм / Сб. статей. Сост. А.Н. Мерцалов. М., 1991. С. 355. Например, этот автор из одного издания в другое тиражирует версию о том, что «в первую неделю войны Сталин впал в прострацию» и бездействовал, никого не принимая. Версия оказалась очень живучей, хотя и была опровергнута. См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 6.
34. Сувениров О.Ф. Всеармейская трагедия // ВИЖ. 1989. № 3. С. 39–47; Соколов Б.В. Красная Армия в межвоенный период (1921–1941 гг.). М., 1990; его же. Цена Победы. Великая Отечественная: Неизвестное об известном. М., 1991 и др.
35. Волкогонов Д.А. Накануне Великой Отечественной... // Открывая новые страницы... Международные вопросы. События и люди. М., 1989. С. 95–108; его же. 22 июня 1941 года // Знамя. 1991. № 6. С. 3–15; 30-е годы: Взгляд из сегодня / Отв. ред. Волкогонов Д.А. М., 1990; его же. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина. В 2-х кн. М., 1989; и др.
36. См.: Сиполс В.Л. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. 2-е изд. М., 1989; Якушевский А.С. Советско-германский договор о ненападении: Взгляд через годы // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989; Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1990; Дашичев В.М. Пакт Гитлера–Сталина: Мифы и реальность // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 262–273; Семиряга М.И. Сговор двух диктаторов // История и сталинизм. М., 1991 и др.
37. Оба документа были опубликованы в 1990 г. См.: Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. 23 августа 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в 2-х тт. М., 1990. № 602; Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом // Там же. № 603.
38. См.: Документы комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. (Пояснительная записка комиссии II Съезду народных депутатов СССР от 14 декабря 1989 г.; Доклад председателя комиссии А.Н.Яковлева на Съезде 23 декабря 1989 г. и его выступление 24 декабря 1989 г.), а также Постановление Съезда от 24 декабря 1989 г. см.: 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 469–498.
39. Круммахер Ф.А., Ланге Г. Планировал ли Сталин войну против Германии? // ВИЖ. 1991. № 6. С. 26–33.
40. Куманев Г.А., Курбанов В.В. Миф о "превентивной войне" и его буржуазные приверженцы // Буржуазная историография второй мировой войны: анализ современных тенденций. М., 1985; Клейменов А.Н. «С задачей – отразить агрессию...» // Красная звезда. 1990. 18 августа. С. 3; Хорьков А.Г. Превентивный удар: мифы и реальность: О причинах и характере Великой Отечественной войны // Тыл Вооруженных сил. 1991. № 6. С. 3–9 и др.
41. Петров Б.Н. О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны // ВИЖ. 1991. № 12. С. 10–20; и др.
42. См.: Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 7. С. 139–151; № 3. С. 107–121.; Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // «Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 299–310; Сенявская Е.С. Время и пространство в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 4–17.
43. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 гг. М., 1992; Горлов С.А. Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. // Военно-исторический журнал. 1992. № 6–7. С. 45–48; Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6; Куманев Г.А., Шкляр Э.Э. До и после пакта. Советско-германские отношения в преддверии войны // Свободная мысль. 1995. № 2; Александров М.В. Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra: Australian National University, 1995; Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия // Вопросы истории. 1995. № 7; Гинцберг Л. И. Советско-германский пакт: замысел и его реализация // Отечественная история. 1996. № 3; Молодяков В.Э. Начало второй мировой войны: некоторые геополитические аспекты // Отечественная история. 1997. № 5. С. 128–137; Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997; Бордюгов Г. А. Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства, 1933–1934 годы // Отечественная история. 1999. № 2. С. 27–45; и др. См. также диссертации: Захаров В.В. Политика советского государства по отношению к Германии в военной области и ее влияние на обороноспособность СССР (1921 – июнь 1941 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993; Случ С.З. Германо-советские отношения в 1918–1941 гг.: (Мотивы и по-

следствия внешнеполитических решений): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Токарев В.А. Пакт Молотова-Риббентропа: генезис и политико-правовые аспекты: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998; Петров В.Л. Особенности политической системы перед войной // Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1; и др.

44. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА, 1937–1938 гг. М., 1998; Уколов А.Т., Ивкин В.И. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // ВИЖ. 1993. № 1; Мельтюхов М.И. Репрессии в Красной Армии: Итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5; Невежин В.А. Проблема репрессий в Красной Армии и "второе пришествие" Виктора Суворова // Отечественная история. 1999. № 1. С. 184–186 и др.

45. Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке герм, агрессии против СССР, март–июнь 1941 г. М., 1995; Мельтюхов М. И. Советская разведка и проблема внезапного нападения // Отечественная история. 1998. № 3 и др.

46. Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну?: Нефантастическая повесть-документ. М., 1992; его же. День-"М": Когда началась Вторая мировая война. М., 1994; его же. Ледокол. День «М». М., 1995; его же. Последняя республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну. М., 1995; его же. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М., 1998; его же. Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М., 2000.

47. Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995; его же. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999.

48. Бонвеч Б. Послесловие // Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997; его же. Наступательная стратегия – наступление – нападение // Отечественная история. 1998. № 3. С. 20–25; его же. Наступательная стратегия – наступление – нападение. Историк из Германии о дискуссии вокруг событий 1941 года // Отечественная история. 1998. № 3.

49. Пиетров-Эннкер Б. Германия в июне 1941 г.: жертва советской агрессии? (К тезису о превентивной войне) // Кентавр. 1995. № 2. С. 87–103; его же. Германия в июне 1941 г. – жертва советской агрессии? О разногласиях по поводу тезиса о превентивной войне // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996.

50. Glantz D.V. Stumbling Colossus: the Red Army on the eve of World War. Lawrence (Kansas), 1998. На русском языке: Гланц Дэвид. Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 году. М., 2008 и др.

51. Военная энциклопедия. Т. 8. С. 64.

52. Харьков А. Укрепрайоны накануне войны // ВИЖ. 1976. № 5. С. 88.

53. Харьков А. Там же. С. 88.

54. Харьков А. Там же. С. 88–89.

55. Харьков А. Там же. С. 89.

56. Харьков А. Там же. С. 89.

57. См.: Харьков А. Укрепрайоны накануне войны // ВИЖ. 1976. № 5. С.92.

58. См.: Шумейко И. Вторая мировая. Перезагрузка. М., 2007.

59. ЦА МО РФ. Ф.19. Д. 1073. Л. 1–10.

60. См.: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1977. С. 328.

61. См.: Литвиненко В.А. Странная война на Западе: катастрофа или ход в Большой игре // Обозреватель-Observer. 2011. № 3 (254), № 4 (255).

62. Из выступления премьер-министра Соединенного Королевства Уинстона Черчилля, переданного BBC 22 июня 1941 г. в 23.00. // Цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Гл. 20. Советы и Немизида /http://militera.lib.ru/memo/english/churchill/3_20.html

63. Кургинян С.Е. Точка сборки. Победа как главный нервный узел всей российской духовной, культурной и политической проблематики // Доклад на клубе «Содержательное единство» 28 апреля 2005 г.

64. См. Гаврилов В.А. «Россия сделает все, что бы избежать войны» // ВИЖ. 2000. №. 3. С. 29.

65. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 508–515; Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 131–132.

66. См.: 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. С. 153. Содержание телеграмм Крипса от 23 апреля 1941 года было доложено Сталину начальником 1-го Управления НКГБ СССР Фитиным 5 мая.

67. Военная энциклопедия в 8-ми тт. Т.2. М., 1994. С. 37.

68. См., напр.: История производства, люди и технический прогресс. ОАО "Брянский машиностроительный завод". Брянск, 1998; Трифанков Ю.Т. Промышленность Брянского края. От истоков до наших дней. Брянск, 2009; Трифанков Ю.Т. Сущностные силы человека и технический прогресс. Брянск, 1996.

69. См.: Мелия А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004. С 43–45.
70. Цит. по: Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. М., 1985. С. 125.
71. Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. М., 1985. С. 126.
72. «Джентльменское соглашение» – договор, заключенный в устной форме между договаривающимися сторонами. Если даже условия его иногда и излагаются письменно (например, джентльменское соглашение 1937 г. между Англией и Италией о статусе Средиземного моря), оно все же не имеет характер официального международного договора. Обычно его обязательства выполняются так же, как и обязательства этого последнего. Вопрос, насколько джентльменское соглашение связывает государства, а не только министра, заключившего соглашение, является спорным. См. История дипломатии. В 3-х тт. М. 1945. Т.3. С. 804–805.
73. Имеется в виду конфиденциальная встреча офицера Британского генерального штаба барона У.де Ропша с А.Розенбергом 16 августа 1939. См.: Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг. в 2-х тт. М.: Политиздат, 1981. Т. 2. С. 249; Волков Ф.Д. За кулисами Второй мировой войны. М., 1985. С. 13.
74. Волков Ф.Д. Указ. Соч. С. 126.
75. Оригинальный текст (англ.): If we see that Germany is winning we ought to help Russia and if Russia is winning we ought to help Germany, and that way let them kill as many as possible, although I don't want to see Hitler victorious under any circumstances. Neither of them thinks anything of their pledged word. // New York Times. 24.06.1941.
76. См.: Правда, 1941, 25 июня.
77. Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942. М., 1999. С. 53.
78. Правда. 1941. 16 декабря // Цит. по: Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб., 1994. С.198.
79. New International Yearbook. 1941. p. 748. // Цит. по: Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 198.
80. Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. Перевод с немец. М., 1980. С. 219.
81. Рейнгардт К. Там же. С. 219.
82. Волков Ф.Д. Указ. соч. С. 129.
83. Цит. по: От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С. 83.
84. См.: Литвиненко В.А. Странная война на Западе: катастрофа или ход в Большой игре // Обозреватель-Observer. 2011. № 3 (254), № 4 (255).
85. См. Кадры, которые стали национальным позором Франции // <http://svpressa.ru/war/photo/6743>; Борьба с фашизмом по-французски... <http://szhaman.livejournal.com/219207.html>; Жуков Д., Ковтун И. Русская полиция // <http://lib.rus.ec/b/205915/read>
86. Жуков Д., Ковтун И. Русская полиция // <http://lib.rus.ec/b/205915/read>

Сведения об авторе:

Литвиненко Владимир Аркадьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и культурологии Московского государственного гуманитарного университета им. М. Шолохова (г. Москва).

